

**Правда
и только правда**

**Только для
настоящих мужчин**

**Первая
из первых**

ТРЕВОЖНАЯ БАЛТИКА

Том II

Тревожная Балтика

Александр Мирошников

Тревожная Балтика. Том 2

«Буквально»

2019

Мирошников А.

Тревожная Балтика. Том 2 / А. Мирошников — «Буквально»,
2019 — (Тревожная Балтика)

ISBN 978-5-9965-0226-4

Выход этой книги есть событие в современной русской литературе. Это первый и единственный роман о современной армии советского и постсоветского периода. В нем показываются проблемы общества и армейского существования. Говорится о том, что попав в невыносимые условия казарменного существования, главный герой, пройдя множество испытаний, не только не спасовал, но и остался верен своим принципам здоровой человеческой морали.

ISBN 978-5-9965-0226-4

© Мирошников А., 2019

© Буквально, 2019

Содержание

Часть III	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Мирошников

Тревожная Балтика. Книга 2

Часть III

Глава первая

Солнечный день был прекрасен, впрочем, как и настроение двух моряков в белых рубашках и бескозырках. Один был шуплый главный старшина с портфелем в руке, а другой – старшина 2-й статьи с армейским мешком за плечом. Шли молча, каждый думал о своем. «Вот и все... – размышлял главный старшина, этим „все“ подводя черту своей тяжелой службе. – Чего только не перенес: и насмешки, и побои, и издевательства старослужащих, когда, закрывшись на посту, горько оплакивал судьбу, вымаливал у бога милости дать силы. Испытал и ужасы первых полутора лет службы, и вольность последнего срока. Наконец-то до демобилизации остались считанные месяцы». Из наивного, полного иллюзий мечтателя Андропов превратился в тертого «годка», имел за плечами двести суток автономного плавания, заслужил значки, почет и уважение команды и командира корабля.

Главный старшина шел по исхоженному маршруту, привычно держал у бедра брезентовый портфель.

Молчал и Мирков, сердился на быструю ходьбу напарника, в то время как его занимали приятные мысли о светлом и прекрасном будущем.

«Слава богу, наконец-то настоящее дело, где можно приложить свою силу и знания. Море, корабль, отдельная каюта, а главное – даже если на первых порах будет трудно, если встречу непонимание и враждебность команды – есть кому заступиться», – Саша полагался на слово, данное Андроповым. А матросскую грубость и высокомерие считал вовсе незначительным, надеясь, что справится с ними благодаря характеру и силе воли.

Наконец они остановились перед железной будкой КПП.

Из окошка высунулся дежурный матрос, Андропов показал увольнительную записку, смело шагнул дальше, увлекая спутника за собой. Шли по причалу мимо небольших кораблей с реющими флажками гидрографической службы.

Главный старшина взошел на трап, позвал оробевшего Миркова; приветствуя флаг корабля, коснулся рукой бескозырки. Александр поспешил повторить жест, волновался от непонимания порядка и правил новой жизни.

На палубе увидели десятка полтора матросов, которые перекачивали тяжелые грузы, причем наблюдатели составляли большее число, чем сами работники. Трудившиеся лишь подняли унылые лица с тяжелыми взглядами. Другая же часть матросов встретила Андропова бодрыми приветствиями. Охотно отвечая им, он остановился, перебрался шутливыми фразами. Рядом с ним стоял и Александр, остро чувствуя напряжение от множества незнакомых лиц, испытующих взглядов.

Матросы принимали с берега ящики и коробки, спускали в глубокий трюм или затаскивали в корабельную надстройку.

– Отбыл свою вахту? – весело окликнул Андропова один из тех, кто руководил усталыми матросами.

– Отбы-ы-ыл... – протяжно согласился тот. Стал у борта и демонстративно закурил сигарету, легко парировал шутки команды, его товарищи смеялись, косили глаза на незнакомца.

К Андропову подступил один из тех, кто был без дела, вежливо попросил сигарету. Прикурив от огонька, матрос бросил коротко: «Добро», что считалось сверхшиком, сопроводив ответ легким кивком головы. Глубоко затянулся, не желая оставить хорошего приятеля.

– Шура, это ты вместо себя «шифру» привел? – поинтересовался украдкой, стесненный присутствием взрослого старшины.

– Да, – ответил тот неловко, словно испытывая смятение чувств.

Александр понял, что товарища что-то сильно беспокоит.

Ответ услышали соседи и передали другим.

– Шифра себе замену привел! – раздалась язвительная реплика, которая вызвала веселое оживление.

– Наконец-то, дождался. После похода можешь уже и домой уйти, – неслись дружелюбные отзывы, сопровождаемые шутками и приглушенным смешком.

– А сколько он прослужил? – осторожно полюбопытствовал один, держась с показной бравадой.

Вопрос поставил Андропова в затруднительное положение, предугадывал реакцию команды.

– Почти год... – выдержав паузу, ответил неуверенно, отвел глаза в сторону.

Мирков оценил достойный шаг.

«Молодец, нелегко было соврать, и, видно, будет нелегко оберегать меня от дальнейшего бесчинства».

Но, как Андропов ни желал нормальной реакции, все же услышал изумленное:

– Так он что... еще «кара-ась»?!

Старожилы переспрашивали срок и, не удержавшись, только усмехались, бросали на великовозрастного старшину глумливые взгляды. – «Карась», вот это да!..

Андропов помрачнел и насупился. Матросы ждали ответа, которого Андропов хотел избежать.

– Да, – сказал тот наконец тихо, больше себе, беспокойно поводя глазами по сторонам.

То, чему далее Александр стал свидетелем, удивило цинизмом и жестокостью.

«Так что: он еще „караась“?», «Вот так да-а... Он за „годка“ спокойно сойдет, а только служить начал», – громко переговаривались те между собой, не заботясь о присутствии Миркова.

– Старый «шифра» молодого «шифру» ведет! – поднялась над всеми новая реплика, вызвала смех. Шутку подхватили, и уже вся орава громко потешалась над новичком, тем самым выражая предрешенность его существования.

– Ха-ха-ха! Вот так молодо-о-ой... – неся язвительный смех, обидный для Александра, который достойно выдерживал язвительные улыбки.

Тот, кто просил закурить, не отставал, с подленькой усмешечкой поинтересовался у Андропова, где молодой будет жить: в каюте или кубрике, и вообще, годится ли уступать молодому такое хорошее место. Он выпытывал, будут ли его «воспитывать», как «воспитывали» других, – без стеснения употребил матерное слово, – или, может, не трогать, жалея? Андропов отвечал на вопросы, будто вовсе позабыл об Александре. Матрос наггел после каждого ответа, осмелев окончательно, говорил грубо. – О-о-о... – довольно протянул он, узнав, что новенький будет питаться там же, где и Андропов. – Им как раз на бачок молодого надо, а то Шикаревский один не справляется, а Шайдулину уже стыдно, да и не положено. Демилюк! К вам на бачок молодого привели! – выкрикнул он куда-то наверх.

– Ото «кара-ась»?.. – сквозь усмешку изумился матрос, давно наблюдавший с верхней палубы, облокотившись на реи. – Да еще и «шифра»... Они же не бачкуют?!

– Все бачкуют. Раз «караась» – значит, бачкует, – утвердительно подытожил матрос внизу.

От всего происходящего Андропову стало стыдно перед Мирковым; сыпались язвительные вопросы, с которыми он больше не справлялся. Александр хотел предложить ему уйти, но сдержало понимание, что любое его слово обернется против него. Андропов украдкой повел плечом, чем дал знак следовать за ним, и, прорвав окружение, трусливо заспешил вдоль борта.

То, что на корабле «Шифрой» нарекались все, кто имел специальность шифровальщика, Александр прекрасно знал, но не придавал тому большого значения. Не любил кличек, ярлыков и прозвищ. С момента прихода на корабль ему предстояло расстаться не только с именем, но и с фамилией, команда наградила его прозвищем Шифра.

Оба ступили в надстройку корабля, поднялись по железному трапу, и, к своему удивлению, прямо перед собой Александр увидел дверь штурманской рубки, которая была открыта: бросились в глаза различные навигационные приборы и огромный, поразивший больше всего, деревянный штурвал.

– Это запасное, – равнодушно пояснил Андропов, заметив легкое замешательство и сверкнувшие любопытством глаза подчиненного. – Сейчас все на автоматике, там дальше есть маленькое рабочее колесо. Вот это радиорубка, – пальцем ткнул в первую дверь, – сюда будешь в походе носить телеграммы. А вот здесь, – указал на другую, – каюта командира, будешь сюда ходить на доклад. А вот эта – наша, – из кармана он достал ключ, болтавшийся на кожаном ремешке.

Александр оказался в небольшой каюте, превзошедшей все ожидания. Осознание скорого обладания уютом захлестнуло его. Не в силах скрыть радость, выдохнул:

«Ох-х... вот это каюта!..» Андропов заметил робкое замешательство соседа и покровительственно улыбнулся, вспомнив свой первый приход. Мирков скинул мешок, разглядывал нехитрое убранство каюты. Видел узкий одежный шкафчик, поднятую над головой деревянную койку, под ней небольшой кожаный диванчик с привинченным к переборке маленьким сейфом; большой уютный деревянный стол с выдвигаемыми ящичками, а над ним единственный иллюминатор; на свободном месте теснились два железных стула, прямо у двери сверкал большим зеркалом умывальник – все было подарком судьбы и радовало нового хозяина.

Андропов устало присел на стул.

– Покуда не перепишут документы на тебя, будешь жить со всеми в кубрике.

– А здесь нельзя? – огорчился Александр.

– Нет, – отрезал старший по службе. – Пока все документы на мне, а значит, и ответственность вся на мне, да и командир на это не пойдет. Ничего в этом нет страшного – можно немного потерпеть. А как только перепишут, я сразу освобожу место. Только мои вещи здесь будут, а то там воруют.

– А так нельзя? – умолял Александр, желая остаться.

– Нет, нельзя. И никто тебе этого не разрешит. Здесь главное – документы.

Прозвенел звонок. Андропов отворил дверь, увидел приятеля-матроса в новой аккуратной робе, что удивило Александра, большей частью видевшего грязные поношенные одежды. То, что потом произошло, поразило его до глубины души.

– Чего тебе, Саня? – мягко поинтересовался Андропов.

– Шура, дай бушлат твоего молодого, – невозмутимо попросил приятель, демонстративно игнорируя присутствие Миркова.

– Бушлат? Сейчас, – спокойно согласился Андропов, и тут же безропотно протянул руку к шкафчику, в который Александр только что повесил свои вещи.

Андропов испытывал неловкость, но больше боялся скомпрометировать себя в глазах однопризывника, дух коллективного произвола возобладал над доводами рассудка.

– А то сам знаешь, скоро домой, а у меня бушлат старый, даже в увольнение стыдно пойти. У меня был собственный, так когда еще «карасем» был, «годки» отобрали, а свое подсунули.

Мирков хотел было решительно отказать, но превозмог себя, понимая, что негоже с первого дня восстанавливать против себя «годков». Только и осталось, сгорая от стыда, наблюдать, как его бушлат перекачевывает на хилые плечики наглого гостя. Бушлат оказался не только великоват, но и широк, что, впрочем, не смутило наглеца.

– Ну, это я отрежу, – заметил он о старшинских галунах, одернул полы. Андропов любезно заметил, что бушлат великоват.

– Да нет, все нормалек, – успокоил себя матрос, увлеченный примеркой. Андропов повторил свое мнение. Поднимая локти, тот осмотрелся и с грустью согласился. Снял бушлат. – Гм... новый и хороший... но большой. Ну да ладно... – возвратил одежду товарищу. – Ну а ты, Шура, уже готов к дембелю?

– Да что я, – ответил Андропов без эмоций, – я пойду во всем своем. Какая там форма, лишь бы, – неловко усмехнулся уголками губ, – побыстрее домой.

– Это точно... – легко согласился приятель.

И только после того, как Андропов закрыл дверь и они остались вдвоем, повисло тягостное молчание. Александр хотел посмотреть ему в глаза, но тот отводил их, не желая объясняться. Андропов поборол неловкость и бухнулся на стул. Заявил строго:

– Кроме командира и замполита, сюда никого не пускать. Есть будешь на бачке БЧ-4. Приборку делаешь только у командира. Если будут заставлять убирать на бачке или в кубрике – не соглашайся; там свои приборщики есть. Пока работы нет, но пойдем в море, услышишь два коротких звонка на корабле – сразу бери папку с бланками исходящих телеграмм и беги к командиру. Понял? – окреп голосом, окончательно преодолел неловкость за случившееся.

– Да.

– Это он так эспээсэвцев вызывает. Пока все. Побудь здесь, а я к радистам зайду, – Андропов прикурил сигарету и юркнул за дверь.

Услышав условный стук, радист Лукин бросился отворять дверь желанному гостю, одарил восклицанием и хлопками по плечу. Командир отделения радистов, под чьим формальным началом находился Андропов, а теперь и Мирков, старшина 1-й статьи Лукин был не только старшим по званию и должности среди четверых радистов корабля, но и по сроку службы. Он призывался на полгода позже Андропова, но это не помешало их дружбе, о которой знала вся команда.

– Ты один? – спросил Андропов и направился к своему насиженному месту у железного стола. Горел приглушенный свет, играла музыка.

– Да. Все на палубе работают. Я отослал всех, а сам музыку слушаю, – сел рядом, с наслаждением вытянул ноги, обутые в шлепанцы. Приятное лицо Лукина украшал ровный нос да улыбочивые пухлые губы. – Ну что, привел молодого? Какой он?

– Да какой, старше тебя, – Андропов сообщил новость другу.

– Да... – протянул тот невесело, поведя подбородком, однако нисколько не смущенный. – Но это дела не меняет; служба есть служба. Не мы ее выдумали. Нам позарез нужен молодой на бачок, а то Шикаревский один тащит, ему тяжело, а Шайдулин потихоньку начинает сачковать. Его призыв уже не бачкует, а он с «карасями» возится, и, конечно, его это унижает.

– Ведь ты же знаешь, мы не бачкуем, тем более, что он – старшина!

Это не понравилось Лукину, он повысил голос.

– Старшина-а... старшина-а... – передразнил друга. – Ну так и что, что старшина? Раз молодой – должен бачковать, как все! Да и братва не допустит, чтобы кто-то нарушал существующий порядок. Все прошли через это, и он должен пройти. Таков закон, дружище. Да... его просто уважать не будут – нам пассажиры не нужны... Чи не звание – старшина... Ну так что, если ему лет больше? В свое время не прошел службу, значит, должен пройти сейчас, если собирается у нас остаться!

Андропову это было не по душе; не желая ссоры, он тут же сменил настрой разговора, улыбнулся.

– Чего ты на «годка» рычишь? А то сейчас... – резко вскинул руку над головой и устрашающе вытарашил глаза, – как дам, будет больно, – засмеялся. – Лучше сообрази поесть, у тебя всегда что-нибудь вкусненькое припрятано!

Лукин встал, поискал в столе.

– У меня Шикаревский старается... Каждый день то масло приносит, то копченую колбаску из холодильника тащит. Как он это делает... даже не знаю, – радист выразил улыбкой одобрение ловкости подчиненного.

Из железного ящика он вытащил съестные припасы, и друзья принялись есть.

В каюте Мирков неспешно рассматривал переборки, шкафчики и стол. После бурлящего кубрика тихая уютная каюта казалась монастырской кельей, где некого бояться и не от кого прятаться при отбое. В долгожданном уединении так и просидел до прихода сослуживца.

Заслышав звонок, потянулся к защелке, впустил сытого и довольного Андропова. Тот тронул Александра за плечо:

– Ты чего здесь сидишь? Иди в кубрик, знакомься с командой. Давай, не сиди. Тебе служить с ними. Я свое уже оттрубил. Я сейчас уже не служу; я давно дома!

Мирков подчинился. Прикрыл дверь и неспешно спустился вниз. Настороженно прошел по безлюдному коридору и робко проник в кубрик.

Известие о новом, не прослужившем и года эспээсовце, носящем звание старшины, мигом разнеслось по кораблю и стало новостью номер один. «Годки» знали, как поступать с самым меньшим призывом, но звание и к тому же возраст новичка ломали сложившиеся представления о «карасях».

Из дальнего угла звучал перезвон гитарных струн. Александр увидел троих парней, увлеченных музыкой. Щупленький подвижный старшина 2-й статьи играл и пел песню, а двое других внимательно следили за пальцами гитариста. Появление новенького не вызвало интереса.

Мирков скромно стоял в стороне, с удовольствием слушал перезвон любимого инструмента, наконец, решился присесть на ближайшую скамью. Беспечная веселость поющей троицы во время всеобщего аврала воспринималась странно, догадывался, что это старослужащие, которые могут позволить себе пренебречь порядком. Саша хотел примкнуть к ним, но сдержали опыт и понимание неравенства армейского общества. Впервые в жизни он столкнулся с многоярусной прослойкой, и каждая категория требовала к себе особого отношения. Наблюдая со стороны за подвижным старшиной, Мирков отметил, что тот был центром маленького кружка. Обладая невыразительной наружностью со скользким взглядом и широкой некрасивой улыбкой, он нисколько не стеснялся, а напротив, часто показывал в улыбке кривые зубы. Наконец гитарист уступил другому инструмент и место, а сам превратился во внимательного слушателя. Александр не удержался, сел рядом и, видя неумение парня, который едва владел несколькими аккордами, решился помочь.

– Вот так надо, – он смело поправил тому палец.

Гитарист глянул на него, кивнул, продолжал играть. Взял аккорд, взглядом попросил помощи у незнакомого старшины. Александр помог рукой.

– Ты умеешь играть? – живо обратился к нему маленький старшина.

Ответил положительно, наблюдая за пальцами на грифе. Вновь поправил.

– А может, что-нибудь сыграешь? – предложил старшина, рукой указал на инструмент, с любопытством глядя на смелого новичка.

– Давай, – легко согласился тот, взял в руки инструмент и занял освобожденное место. Удобно пристроил на коленях гитару и, проверяя строй, сверху вниз пробежался по струнам.

Вспомнил песню и запел приятным баритоном «Только месяц взошел на трон». Желая понравиться, рассчитывая на отклик, видел по лицам, что песня и он сам приняты безогово-

рочно. Троица попросила еще, он не мог отказать, только и желая того. Окрыленный успехом, взял первый звучный аккорд, а виртуозный вступительный проигрыш заставил присутствующих улыбнуться и замереть.

Мы все спешим за чудесами,
Но нет чудесней ничего,
Чем та земля под небесами
Под крышей дома твоего,
Под крышей дома твоего...

Глаза парней излучали удовольствие, а он радовался, что зажег свет в их сердцах и душах.
– Ты смотри, как играет!.. – восторгался старшина, который, казалось, жил песней, неотрывно глядя на руки новичка.

...Есть крыша дома твоего, – закрепил тем же проигрышем. Аккорд растворился в воздухе, и Саша посчитал, что принят новыми знакомыми, а значит, и остальной командой. «Вот как все просто, – довольно думал он. – С ними вполне можно общаться. По-хорошему можно и с „годками“ жить, если ты не мелкая душонка и не слюнтяй. Тем более, мы одного возраста. Если ты честен и не делаешь плохого, то и относиться будут так и к тебе. А по-другому и не должно быть, везде люди, и все хотят жить мирно», – рассуждал он, перебирая струны.

В кубрик входили матросы и с удивлением окружили улыбчивого новенького, который расположил к себе юркого старшину и его друзей. Упоенный вниманием, Мирков самозабвенно старался для всех. Когда заканчивалась песня, парни с легкой иронией интересовались у него всем, что хотели знать о новом человеке: кто он, откуда взялся и сколько прослужил. Саша откровенно рассказывал о себе и не понимал, почему его ответы вызывают веселость и непонятную иронию. Что-то насторожило его, но он счел нужным держаться достойно в любой ситуации; стоит один раз уступить – и ты пропал.

– А за какие заслуги тебе так быстро старшину дали? – любопытствовал кто-то.

Александр назвал свою специальность, упомянул, что переведен из отряда на должность мичмана, что всем эспэсовцам после сдачи экзамена присваивают звание старшины 2-й статьи.

– У-у-у... – загудели вокруг, – так ты у нас большой нача-а-альник и денег много получаешь...

Подняв лицо, он лишь неловко улыбнулся, продолжая петь, наигрывая на гитаре, но его уже прерывали злые реплики и вопросы. Саша ощутил неловкость и смятение и только тихонько перебирал струны.

На вопрос, где готовят на такую «хорошую» специальность, ответил:

– В Николаеве.

– Да, повезло вам, «шифрам», со специальностью... – позавидовал один, на что Александр сказал просто:

– Да, повезло.

Это вызвало улыбки и радостный пересмех.

Парней становилось все больше, Мирков понимал собравшуюся перед ним силу. Чувство подсказывало, что не умно отвечать на грубость и хамство тем же, разумнее предложить дипломатичный разговор. Он был добр и хотел такого же отношения.

– А сколько тебе лет? – услышал ироничное. – Двадцать один.

Раздался протяжный гул в несколько голосов.

– А почему так поздно призвался? – любопытствовал, с улыбкой другой.

Александр только поморщился, опустил глаза.

– Техникам дали закончить, да еще и после девятого класса...

Образованность новичка получила одобрение, большинство имели лишь среднюю школу.

– У-у... – загудели насмешливо, ведя свою игру.

Маленький старшина легко присел перед ним, уставился лукаво. Александр не придал этому значения, но наглый взгляд становился все навязчивее.

– Как вижу, тебя служба в отряде ничему не научила... – смело оборвал его маленький старшина, уверенно чувствуя себя в окружении единомышленников. Александр понимал, к чему клонится дело, но старался сдерживаться.

Все притихли и ждали, как ждал и заводила-старшина.

– Почему, – Саша поднял глаза и по-доброму улыбнулся им, – научила...

Послышались смешки и хихиканье.

– Что-то я не вижу... – подхватил старшина, широко раскрыв глаза, улыбнулся, поглядел по сторонам на товарищей. – И чему же она тебя научила?

– Разному, – ответил тот сдержанно, бледнея. Понял, что попал под жернова какой-то интриги. Перестал играть.

– И что – и «годки» в отряде есть?

Подтвердил это, чем вызвал новый смех. Больше не мог терпеть, сказал сурово:

– Я не понимаю, почему ты меня все время допытываешь?

Эти слова шокировали маленького старшину, не привыкшего к подобному тону. Встретив норовистого смельчака, толпа с новой силой дружно подняла его на смех. Собственный грубый тон умилял их, купались в своем могуществе.

– А почему... ты со мной так грубо разговариваешь?.. – возмутился старшина, по-прежнему улыбаясь. – Почему ты меня обижаешь? Если я захочу, ты будешь ко мне только на «вы» обращаться, несмотря на то, что мы с тобой в одном звании, и носовым платком палубу мыть.

Горло перехватило от возмущения, Александр взирал то на теснившего его взглядом старшину, то на остальных. Те ждали ответа.

– Как я разговариваю? – спросил мягко.

– Грубо, – уточнил старшина, продолжая начатую игру. – Послушай, послушай, Санек, – трещал он весело, дергал дурашливо за рукав. – Ты хоть понимаешь... – воздел над головой руку, – где ты находишься? – на полном серьезе он вознамерился объяснить непутевому его место в матросском обществе.

– Понимаю... – буркнул тот настороженно.

Но это не убедило, старшина горько заметил, сожалея:

– Ни хрена, как я вижу, ты не понимаешь. Да прекрати играть, когда с тобой «годок» говорит, – недовольный, он рукой накрыл струны и подарил улыбки товарищам, которые поддерживали шутку.

Александр сник совсем, оставил инструмент, захотелось все бросить и уйти. Очень устал, болела голова, но удержался.

– А почему ты на меня наезжаешь? – спросил сурово, готовый опрокинуть противника.

Маленький старшина изобразил беззащитную улыбку и притворился шутком, вызвав у товарищей веселый смех.

– Это что, и в отряде так разговаривают с «годками»? – продолжал он, когда утих шум.

Александр понял, что угодил в западню, которую устроили эти люди, и признал про себя, что переход на корабль ничего не изменил.

– Да как сказать... – подбирал нужные слова, – везде одинаково...

– И все у вас в отряде такие, как ты? – пытал маленький старшина.

Вопрос не понравился Александру, промолчал.

– Корж, он, наверное, не понимает, с кем разговаривает? – раздался сверху ленивый голос.

Старшина 2-й статьи Коржов внимательно оглядел настырного новичка.

– Да, – заметил громко и отрывисто, дернулся игриво. Приблизил самодовольное лицо, рассматривал бесстыдно. – Ты... хоть понима-аешь (поднял вверх указательный палец), где ты находишься и с кем разговариваешь?

Все сосредоточенно ждали ответа.

Затянувшаяся до неприличия пауза тяготила обе стороны. И Александр сказал, но совершенно не то, чего ждали.

– Да неужели мы с вами не найдем общего языка? – и столько было в этой фразе чистоты и наивной надежды, что все замерли на мгновение, но тут же взорвались смехом. Никто не мог и представить, что совершенно взрослый человек может сказать такую неслыханную глупость.

Такое дикое восприятие ошеломило Сашу, он отпрянул, словно получил пощечину. Оставалось лишь не обращать внимания на хохотающие лица.

– О, о, он, – громко смеялся Корж так, что перехватывало дыхание, – он мне нравится!.. – Совсем изнемогая от безудержного веселья, положил руку ему на колено и поднес близко размякшее лицо, которое вертел по сторонам. – Нет-нет, этого быть не может! Ты действительно такой или притворяешься?! Или, может, думаешь, что если ты старшина, – кивнул на его погончик, – да еще и второй, так тебе все дозволено?! Может, ты хочешь, чтобы мы по стойке смирно стояли перед тобой и обращались на «вы»?!

– Ничего я не хочу, – морщась, буркнул он зло, понял, что окружен врагами.

– У-у-у... как ты с «годками» разгова-ариваешь... – за всех ответил Корж, хмуря брови. – С нами, позволь мне дать тебе, Санек, совет, так разговаривать не надо... Позволь мне дать тебе еще один совет: дружи с нами и делай все, что говорят старшие – то есть мы, «годки». То, что тебе уже, к великому сожалению, двадцать один год, это, извини, всем до задницы, и твои сопли никому не нужны. Для всех нас ты – «карась», и этим все сказано. Вот послушай, послушай. Ты хоть отдаешь себе отчет, – пытался заглянуть в глаза, – где ты находишься?! – Мирков поежился. – Вот смотри, вот смотри, кто стоит перед тобой, – указал пальцем на соседа. – Матрос. Но это не просто матрос, а ма-а-атро-о-ос-«годок». – Последний снисходительно улыбался. – А ты кто такой?.. – ухмыльнулся. – Какой-то старшина 2-й статьи... Вот он, – указал на крупного увальня, – он Человек, он морской Волк, оттрубивший весь срок. А ты кто? – скривил лицо. – Какая-то козявочка... старшина 2-й статьи... Это мне ни о чем не говорит... Вот смотри, ему осталось служить полгода, вот этому уже через два месяца домой, а мне через год. А ты, – Корж горько укорил, – так грубо с нами разговариваешь... Нехорошо-о... надо с нами дружить... Александру все было противно, и он молчал. Утомленный натиском, сносил унижения, но держался мужественно. И тут прозвучала команда на обед.

Его оставили в покое и побрели мыть руки. Через минуту вбежали пятеро матросов с медными бачками в руках, принялись старательно накрывать три стола, из шкафчиков доставали посуду, раскладывали. Чтобы не мешать им, Мирков нашел удобное место и оттуда с интересом следил за жизнью нового коллектива.

Первыми заняли места «важные люди», на царственных лицах которых застыла маска снисхождения к снующим в заботах бачковым, за которыми надолго была закреплена тяжелая и неприятная работа, требовавшая полной самоотдачи. При первой же просьбе те обязаны были вмиг исполнить любую прихоть «годка». Остальные матросы покорно ждали своей очереди, стоя в сторонке. Роли каждой группы были определены раз и навсегда: лениво жующие «годки», кандидаты в «годки» и рабы-лакеи с вечно уставшими лицами и потухшими глазами.

Морской закон, гласящий, что самый медлительный за обедом убирает стол и моет посуду, здесь совершенно не работал. На флоте такого закона не существует, а возможно, никогда и не существовало! Первыми за стол усаживаются старшие, а значит, «самые уважаемые», добившиеся признания силой кулаков. Насытись, нехотя уступают место другим, чтобы те,

в свою очередь, дали место рабочей скотине. Таким образом, посрочным правом наводился порядок на столе, распределялась пища.

Бессменное годовое рабство не было бы таким позорным и обидным, если бы не унижительная жестокость тех, кто присвоил себе право помыкать младшими, и поэтому служба на корабле была кромешным адом. И когда не подозревающие об этом молодые матросы попадали сюда прямо из учебки, то, ужаснувшись, долго не могли понять, что же происходит. А осмыслив, были вынуждены принять установившиеся правила и безропотно тянуть проклятую лямку.

Вместе с товарищами ел неспешно и Андропов. Мирков глядел на них и все же надеялся, что эти люди примут его в коллектив и станут товарищами и друзьями.

«Годки» жевали и время от времени поднимали взгляды на новичка. Обслуживал их высокий худощавый матрос с впалыми щеками и носом с горбинкой; весь его внешний вид – костлявые плечи, выпирающие ключицы и впалая грудь – свидетельствовал о надломленности.

По другую сторону находился другой матрос, явно татарин. В отличие от напарника он делал все медленно, демонстрируя отвращение к работе бачкового. Демилюк лениво взглянул на Миркова, но когда их глаза встретились, быстро отвел свои, не дрогнув ни единым мускулом, посмотрел на ложку и неторопливо отправил пищу в рот. Бачковой крутился юлой, принимал, подавал, менял упавшую ложку, наливал добавку, словом, откликался на взгляды, жесты и покашливания жующих людей. Засаленные рукава и грязное пятно на животе производили впечатление безмерной неопрятности. Довольные своим положением, остальные лишь молчали, одобряя тем самым жестокость тех правил, которые сами же и установили. Бачковой беспрекословно исполнял любую прихоть, успевал разливать по кружкам компот из чайника и, собрав грязную посуду, убрать в ящик.

За всем молча следил строгий татарин. Если Шикаревский замешкался или не уразумел чей-то знак, он самолично быстро исправлял оплошность. В черных раскосых глазах сквозила все та же тоска и недовольство жизнью. Прослужив год, Шайдулин заработал право считаться «старшим», а значит, «ленивым». Но судьба словно насмеялась над ним: вместо двух полагающихся матросов в их БЧ поступил всего лишь один. Полгода он сам обслуживал всех, но вместо благодарности за унижения и терпение получил с последним призывом в подмогу лишь одного Шикаревского. Это стало трагедией, сопоставимой лишь с потерей ближайших родственников. Один подчиненный не решал проблему, и, по корабельному закону, Шайдулин остался на прежней «должности». По решению старших его определили в учителя Шикаревскому, что означало работу впаре. Даже сейчас, после года службы, он выслушивал матерную ругань, получал «скворца» уже за Шикаревского, что оскорбляло вдвойне. Возмущенный такой несправедливостью, он истязал несчастного Шикаревского, выжимал из него все соки, заставляя работать за двоих. С приходом новичка Шайдулин возрадовался ниспосланному свыше подарку, собираясь Мирковым заткнуть прореху. Его час пробил! Вовсе не озаботил тот факт, что «карась» был старшим по возрасту, на мичманской должности и носил старшинские галуны.

Конец августа восемьдесят третьего года выдался жарким, и температура крепко держалась у тридцатиградусной отметки. Палящее солнце раскаляло железные корабли, отчего в кубриках было душно. Не спасали ни постоянно открытые крохотные иллюминаторы, ни люк на верхнюю палубу. Обливаясь потом, матросы задыхались, выполняя каждодневные работы, хватали воздух, словно выброшенные на горячий песок рыбы.

Мирков с интересом наблюдал за всеми. Ели вяло и с неохотой, поминутно утирали рукавами пот, раздраженно погоняли бачковых. Загнанный Шикаревский метался вокруг стола, утирал грязным подолом рубахи заливавший глаза пот и снова кидался к бачку. Александр обратил внимание на матроса с болезненно бледным лицом, который прислуживал за столом, где главным был старшина 2-й статьи Корж. Все, что ни делал бачковой: нарезал хлеб, подно-

сил тарелки с едой или кружки – вызывало ругань резкие окрики. Раздражительность Коржа и терпеливая покорность матроса удивили Александра.

Старшина 1-й статьи Лукин первым допил компот, буркнул невразумительное «спасибо» и с безучастным видом посмотрел на Миркова, стоявшего за спиной. Движением руки деликатно пригласил занять его место, Александр вежливо отказался. Лукин повторил жест, но Мирков вновь ответил отказом. Кубрик оживился, проникся интересом. Александр сдался, с благодарностью занял предложенное место, оказавшись возле Андропова. Чувствовал, что здесь кроется какая-то каверза, но и отказ вызвал бы недовольство.

Лукин тут же приказал Шикаревскому немедленно обслужить новенького. Матрос метнулся: быстро поставил тарелку с борщом, положил хлеб, окинул взглядом стол.

Александр принялся есть, настороженно чувствуя косые взгляды.

– Ну как, вкусно? – неискренне поинтересовался Лукин, положив руку на плечо Александру, натянуто посмотрел в лицо. Тот поднял голову, заставил себя улыбнуться, но улыбка вышла растерянной.

– Нормально.

– Ничего, ничего... у нас хорошо кормят... Лучше, чем в отря-яде... Ты ешь, не стесняйся; здесь все свои, – подвинул блюдце с маслом, уговаривая: – Вот, бери масло, клади во второе.

– У вас на обед масло дают? – удивился Александр.

– У нас все есть, – отметил Лукин. Александр чувствовал, что тот не сводит с него глаз. – Это нас Шикаревский балует.

Не понимая, каким образом названный матрос может «баловать маслом» команду, Мирков лишь удивился в слух. Кто-то засмеялся.

Лукин отступил назад и прислонился к спинке койки. Заговорщицки, пальцем, поманил к себе татарина.

– Вот, теперь смотри, Шайдулин. Ему разъяснишь все наши порядки. Сегодня еще не трогай – пускай присмотрится. А дня через два-три можно начинать. И пускай тащит на всю катушку. Подключай Шикаревского, пусть растолкует, что надо.

Александр поразился услышанному, будто разговор шел не о человеке, а о приручении дикой кобылы.

– Ну, ты сам понимаешь, – тихо продолжал Лукин, – это твоя смена, и чем быстрее он освоится, тем быстрее ты отделаешься от бачка. Так ведь?

– Да, – ответил не задумываясь Шайдулин.

– Ну, раз понял, тогда давай, начинай.

Лукин направился к выходу, обронил на ходу Александру:

– Ты кушай, кушай... – и удалился, шаркая тапочками. Все, кто заканчивал есть, бормотали под нос «спасибо», что было не выражением чувства благодарности, а скорее ритуалом, и шли на перекур.

Положение Шикаревского действительно было тяжелым. Шайдулин все больше отлынивал, сваливая на него огромный объем работы и обязанностей, которые тот должен был исполнять в обязательном порядке. Матрос носился по кораблю, обремененный многочисленными заботами и проблемами, озабоченный тем, как получше обслужить и накормить своих «годоков». Старался изо всех сил, но просто физически не успевал все делать, да еще нес вахту радиста. Сослуживцы, которым было наплевать на его проблемы, считали его тяготы делом сугубо личным. Они жаловались Шайдулину, который, устав от бесконечных обращений, закатывал рукава и кулаками учил «меньшого брата». Он применял закон физической передачи энергии – чем чаще слышал упреки от старослужащих, тем нещадней колотил и осыпал отборной бранью «неуправляемого» Шикаревского.

Шайдулин дождался, когда за столом никого не осталось, и только теперь, противопоставляя себя двоим, позволил себе есть. С наигранной неторопливостью налил в тарелку оставшийся в бачке борщ, вспомнил о двоих помощниках, заглянул, оставил малость. Шайдулин ел показномедленно, растягивал наслаждение. Только сейчас он мог пожить в свое удовольствие, размышляя о мерзости общества, в которое попал и которому был вынужден прислуживать. Презируя себя за слабость, был вынужден унижать других, тем самым возвышал себя в собственных глазах.

Шикаревский ненавидел своего истязателя, который, как оборотень, изображал сдержанного интеллигента с физиономией тихого человека. Быстро складывал посуду в ящик, исподлобья недобро поглядывая на беспечную позу драчуна.

Шикаревский слил из бачка борщ, оставил немного Миркову.

– И тебе тут осталось, – буркнул впервые ему.

Шикаревский торопливо глотал все подряд, хмуро поглядывая то на снисходительного старшину, то на ненавистного Шайдулина.

Впервые Шайдулин пообедал довольный, затем, сутулясь, медленно перенес ногу через скамью.

– Шикаревский, слышал, что Лукин говорил? – сказал безразлично, холодно посмотрел на помощника. – Сегодня его не трогай, а завтра показывай, что к чему. Понял? – Понял, – отмерил тот сквозь зубы, глядя враждебно. Шайдулин стерпел грубость, теперь мог позволить себе подобное. Поднялся лениво, шаркая тапочками, важно пошел к двери, по примеру других. Вяло добавил, повернув голову – Да, про масло не забудь, чтобы на ужин было.

– Ладно... – протянул недовольно бачковой, проводив матроса взглядом, полным ненависти.

Шикаревский быстро доел кашу, допил компот, доверху заложил посудой пищевой бачок, из ящика собрал крошки и отправил в скопище посуды.

– Ничего-о... уже фигня-я... три месяца осталось... Немножко потерплю, а потом и молодых пригонят. Сейчас мне нужна помощь, а то одному трудно. Этот Шайдулин уже не хочет ничего делать. Думает – если прослужил на полгода больше, хотя мы с ним одного года рождения, то все можно. Уже не желает, видите ли, бачковать. Ему стыдно, что его призыв уже не бачкует, а он из-за того, что некому, вынужден. «Годкам» же все равно, только бы было все как надо. А его, видите ли, гордыня заедает... А вместе мы бачок спокойно потянем. Я один со всем справлялся, и ничего, а вдвоем мы запросто, – радовался Шикаревский долгожданной помощи, впервые улыбнулся, просветлел. – Главное, чтобы ты запомнил все, а там легче будет.

Александр не понимал, зачем ему это.

– Вот смотри: здесь – ерунда. Самое главное – запомнить, чья посуда, потому что они за это бьют. Не дай бог, не ту подашь – можешь за это хорошо схлопотать.

Матрос взял кружки и, двигая ими, что-то говорил. Мирков не понимал стараний соседа. Но в голосе того слышалась мольба о помощи, и, не устояв, Александр искренне захотел ему помочь, не предполагая, что это требует каких-то дополнительных обязательств. Вдруг осознал, что тот разговаривает с ним уже как со своим напарником, указав, что если Саша не будет выполнять требуемое, то будет жестоко наказан. Александр воспротивился, но что-то говорило внутри о тщетности сопротивления коллективу.

– Вот смотри, – объяснял Шикаревский, держа кружку, – видишь царапину? Это кружка Лукина, того самого гада, который так любезно тебя усаживал. Он – командир отделения радистов и старший по бачку и больше всех за него дерет. Ты ему в первую очередь подавай еду. А вот эта – твоего Андропова.

Матрос брал каждую кружку и по каким-то, только ему ведомым, признакам определял их хозяина.

«Не хочу, – твердил себе Александр, – не буду все это запоминать, это дикость какая-то: щербинки, царапины, надколы...»

От кружек Шикаревский перешел к тарелкам и ложкам. Показывал места, называл их владельцев, давал краткие, но красочные характеристики каждого, при этом ни один не удостоился похвалы, все были гадами, гнилыми людишками и сволочами. Отметил лишь Андропова, который не имел личной посуды принципиально.

– Что еще? На обед и ужин всегда должно быть масло. Слышал, что Шайдулин сказал? Их не волнует, где возьмешь. Воруй из холодильника, одалживай у других – если они тебе еще дадут, бегай на другие корабли, но чтобы масло было обязательно. Где хочешь, там и доставай. На завтрак выдают, а остальное – твое дело, но только попробуй не принести – сразу напомнят кулаком. После того, как все поедят, идешь с бачком на камбуз, моешь посуду и несешь сюда; ставишь в шкаф на вторую полку. Тарелки обязательно протираешь газетой, с этим строго. Самое главное: следи за тем, чтобы вовремя подавать и менять посуду. «Годки» ничего не говорят: ты должен сам понять, чего они хотят, и быстро сделать. Они страшно не любят медлительности и бестолковости.

Матрос взглянул с улыбкой.

– Сам видишь, что здесь не сахар. Но если уж попал сюда, то никуда не денешься – надо выживать... Это тебе, Саня, не в отряде служить... Я бы тоже не прочь оказаться там, где намного легче. Хм-м... приходишь в столовую, а уже все накрыто. Там свобода. Захотел – на траве полежал, захотел – пошел в магазин, а тут ничего этого нет – одно железо, даже купаться не ходим. Живем на море, а воды не видим. Здесь же совсем другое... – Он вспомнил о большом и неприятном, поднял глаза на соседа. – Тебя били в отряде?..

Шаг к откровенности был неприятен Александру, который не желал делиться правдой, вспоминать об унижении. Но ему хотелось хоть как-то утешить матроса.

– Били, – сказал он и покраснел.

– За этим здесь дело не стане-ет, со счета собьешься... – охотно прибавил с улыбкой матрос, даже, как показалось Александру, гордясь. – Меня Шайдулин поначалу знаешь как херачил за бачок... у-у... Пришел я сюда, а на меня все как навалилось... Думаю: нет, я не согласен, меня это не устраивает, начал сопротивляться. Но меня так избili, что я неделю кровью харкал. Особенно старался гад Шайдулин с однопризывниками... Что ты один против них? А потом смотрю-ю... ничего я своей правдой не добьюсь... И теперь один за всех пашу, как вол. Вон, Петров тоже пытался установить справедливость. Упирался, добивался чего-то, таких здесь не любят. А теперь дурку включил, и каждый, кто хочет, его ногами пинает и матом обкладывает. Полностью замкнулся в себе, никому не нужен.

Из нижнего кубрика вышел худощавый матрос неприятной наружности, увидел двоих, стоявших без дела.

– Чего делаете? – грубо прервал он разговор, что сразу не понравилось Александру. По застывшей улыбке Шикаревского Александр понял – тот не любит вошедшего и боится его. – Чего молчите?! Быстгей шевелиться надо! У вас еще много габоты. – Матрос презрительно посмотрел на Миркова. – А-а... это вам «кагася» (не выговаривал «р») на бачок пгигнали. Это хогошо... вам нужен «кагася», Шайдулин из-за вас стгадает. – Он бесстыдно окинул новичка взглядом животного, с головы до ног, и вдруг замахнулся, но задержал кулак в нескольких сантиметрах от груди. Все произошло совершенно неожиданно, но, тем не менее, Александр не дрогнул.

– Чего ты сипаешься?.. – растянул матрос губы в противной ухмылке, – я пговоряю... Шикагевский, – сказал безразлично, – беи этого, – надменно наставил палец в грудь старшины, – «кагася» и на кагтофан. Там вас уже давно ждут. Все там, одни вы здесь мудохаетесь, – вскинул голову и вышел, рисуясь.

– Это самый выстебистый из всех «борзых карасей», – прошипел злобой Шикаревский. – Никто так не издевается, как он. Это он за Крюкова отыгрывается... Он, Крюков, сначала был у вас в отряде, а потом к нам прислали. Да ты должен знать: здоро-о-овый такой, морда как у свиньи.

Шикаревский охотно рассказал историю с Крюковым и Жмайло, потрясшую корабль.

– Его прислали на наш корабль, а Жмайло, думая, что ему как «борзому карасю» все можно, налетел с кулаками от радости, что пришло его время. А Крюков не слабак, кулаки большие, не долго думая ка-ак врезал в морду, тот метра на три от него отлетел. А Жмайло же сам дохлый, трус и падло; забоялся дальше лезть. И начал всех агитировать и подымать против Крюкова бучу. Естественно, все «годки» возмутились... Как это так, «карась» на старшего по сроку службы руку поднял? Тут такая травля была, все пошли против него. Командир, не зная, как утихомирить толпу, решил вернуть Крюкова в отряд. А теперь пошли, покажу камбуз, где будешь брать свой бачок с едой. А затем надо идти на картофан. Они не хотят работать, так нас заставляют. К тому же и все приборки наши. – В камбузе, который находился в противоположном конце корабля, Шикаревский показал, где что стоит, поясняя, что перед каждым приемом пищи следует брать уже приготовленный бачок, чайник и нести в кубрик. Он открыл железную крышку люка, осторожно спустился вниз, Александр отправился следом. В темноте неловко ступали по узкому лазу, внезапно остановились, матрос толкнул что-то впереди, отворив маленькую железную дверь. Та была настолько мала, что пришлось нагнуться. Они оказались в железной комнатке, без окна, с единственной блеклой лампочкой. Послышался ропот и приглушенные голоса четверых матросов, которые устали на Миркова. Словно немые, они только смотрели – устало, с болью. Как вошел Саша пригнувшись, так и остался стоять, касаясь макушкой подволока. Приветливо поздоровался, чем прервал неловкое молчание, в ответ услышал робкие отклики. Узнал тех, которые работали во время аврала. По бадье, картофельным очисткам и ножам в руках Александр понял, чем они занимаются.

– Это молодой к нам на бачок. Он такой же, как и мы, «карась», – представил Шикаревский, присел на ящик, взял нож.

Разговор не начинался, и это стало томить Александра. Первым назвал свое имя, представились и другие – Вова, Валера, Олег, но четвертый, изжелта-бледный, промолчал, не хотел поднять глаза.

– Это Петров... – равнодушно кивнул Вова по фамилии Иванов, скривился неприятно, тем самым подчеркнув свою неприязнь. – Его у нас никто не любит...

Петров поднял лобастую лысеющую голову и, решительно блеснув глазами, хотел сказать что-то.

– Что ты на меня смо-отришь?.. – взорвался Иванов. – Дослужи-и-ся... правды захотел, а мы за тебя все страдаем?!

Петров зло сверкнул глазами и, поддавшись напору глаз недовольствующего, опустил голову. Иванов шипел злобой:

– Вот так-то... А то он еще выступает... Я тебе поговорю, ублюдок...

Миркову хотелось общения, остальные, казалось, желали того же.

– А ты к нам на все время или на поход? – полюбопытствовал Иванов.

Александр ответил охотно, с улыбкой, что на все время, наблюдая перед собой мальчишек, которым едва исполнилось восемнадцать.

Иванов молча возвратился к работе. Время от времени в воду бросали очищенную картошку.

Тот, который представился Валерой, набрался смелости, не смея обратиться запросто к старшему по званию, поинтересовался смущенно:

– Товарищ старшина, а... чего вам так быстро старшину дали? Или, может, заслужили?

Он был так трогателен, что было невозможно не ответить. Глядя в его черные глазищи, Мирков неторопливо рассказал о специальности шифровальщика, о старшинском звании и мичманской должности, понимая, что ребята завидуют ему.

– Чего ты стоишь без дела? Раз пришел, значит, помогать надо, – остановил недовольный Иванов. – Теперь ты такой же, как и все, несмотря на то что старшина. Садись на ящик и помогай. Мы и так опаздываем. Петров, а ну подвинься.

Молчаливый Петров покорно уступил место на ящике, сам сел на железный выступ. Миркову не понравился тон мальчишки, но не подал вида, взял свободный нож, принялся помогать. Раздавались робкие вопросы: о месте призыва, фамилии, где располагалась учебка, в которой готовят специалистов для «такой хорошей» работы. Чувствовалось, разница в годах и звании сбивала их с толку, они мялись и «выкали», смущаясь. Саша видел перед собой беззащитных, потерявшихся мальчишек, которых необходимо защищать, а не, напротив, защищаться ими. Вспомнилось, как в последнее лето перед призывом он работал пионервожатым в пионерском лагере, и сейчас эти ребята напомнили его подопечных-десятилеток, которые гурьбой обступали со всех сторон и забрасывали наивными, требующими немедленного ответа, вопросами. Защемило сердце, когда разглядел худенького, с маленькой стриженной головкой на тонкой, как палец, шейке мальчишку, увидел кроткие глаза и детский подбородок. Большеглазый Валера смотрел на Миркова с такой надеждой, будто с Сашиним приходом должно начаться все самое лучшее. Нежного домашнего мальчика вывалили в грязь и сунули лицом в дерьмо. Казалось, что он попал сюда не из призывного пункта военкомата, а прямо из средней школы, в которой ему не дали доучиться, как совершенно случайный человек, не подходивший ни под один параметр требований военкомата. Парень никогда не жаловался, не отлынивал, работал наравне со всеми, иногда, уткнувшись в подушку, плакал от усталости. Он жил не по гражданским законам, а под диким страхом физической расправы. Полагал, что только покорностью и терпением можно добиться уважения товарищей и сносного отношения старших по призыву. Страшился повторить безрассудный шаг Петрова.

Одежда Валеры Королева, который интересовался гостем больше всех, нуждалась в починке. Старая, с чужого плеча, давно не стиранный тельняшка, растянутый ворот которой открывал мальчишескую впалую грудь, растянутая роба, пузырившаяся во все стороны, низко отвисшие погончики с буквой «Ф». Его нетерпеливый взгляд подсказал Александру, что тот хочет задать вопрос, а потому, упрямая, поинтересовался, что тот желает узнать. Это воодушевило матроса.

– А сколько вам лет...

– Чего ты его на «вы» называешь? – грубо оборвал Иванов. – Он хотя и старшина, но такой же «карась», как и ты.

– Да, действительно, – поддержал Олег, сидевший рядом.

Валера смутился, улыбнулся неловко, виновато поглядел на товарищей, словно извинялся за свою оплошность.

– Мне двадцать один год.

Это их не затронуло, ребята продолжали молча срезать кожуру, отправляя очищенный картофель в бадью.

Королев надолго задумался, вдруг лицо его осветилось, словно вспомнил о чем-то приятном.

– Да ничего-о... Уже фигня осталась... Через три месяца молоды-ых пригонят... – протянул мягким голоском. – Ой... – от счастья закатил глаза, – просто не верится, что возможно такое... – посмотрел по сторонам с видом довольного человека.

– Ну, уж тогда я да-ам... Тогда я отыгра-аюсь... – злобствуя, продолжил Иванов, готовый мстить всем за свои унижение. – Даром, что ли, я мучился? Даром, что ли, я за всеми выли-звал?! Я – не Петров, который на весь срок службы останется в «карасях»!

Петров собрался было ответить, но наткнулся на непримиримый взгляд Иванова, вновь уронил на грудь тяжелую лобастую голову.

– Ты собираешься что-то еще и говорить?! – взревел Иванов. – Правды захотел?! Вот твоя правда, живи как собака!..

Все притихли, опустили глаза. Мирков понял, что Петров находится в опале, вызывая общее презрение. Но больше всех поразил Иванов, который утверждал свое право на старшинство в этом маленьком кружке, и оно, как видел, было не заработано им, а присвоено с помощью мощной глотки. Картошка была очищена, бадью подняли наверх в камбуз. Миркову казалось, что и эта картошка, и тяжелые бачки его совсем не касаются, что все зависит только от него самого, а он сумеет постоять за себя. Главное, что то, о чем когда-то мечтал, теперь было буквально под ногами: море, палуба, качающаяся под ногами.

После вечерней поверки Саша хотел остаться с другими на палубе, но потом решил готовиться к отбою. За спиной слышал недовольный ропот, ловил недобрые взгляды матросов, которых удивляла наглость новичка, повинного в том, что позволял себе роскошь держаться вольно.

С роспуском строя тут же исчезли матросы его призыва, старшие остались, не спеша, курили сигареты, обменивались впечатлениями о новичке, отметили удивившие всех выдержку и независимость. Это посчитали личным оскорблением, так как сами, пройдя суровую школу, являлись приверженцами диких корабельных порядков.

– Ты смотри, Шифра какой гордый... – возмутился один из них, тем самым выразив общее мнение. – Даже никуда и не спешит... То ли не понимает законов, то ли слишком забурелый?.. Жмайло, – обратился он к матросу из другой группы, стоявшей напротив. Никто из этой группы не имел права запросто подойти к «годкам». Жмайло тут же оставил товарищей и покорно приблизился, льстиво заулыбался.

– Что, Петя?

– Ты видел, как «шифра» ходит?

– Ви-идел... – скривился Жмайло. – Что-то мне он, – выругался матерно, – не нгавится...

– Так вот. Объясни ему, как по палубе «караси» должны ходить. Это ваша работа. Понял?

– Понял, – подхватил с готовностью, добавил просительно, протянув руку: – Петя, можно погосить у тебя сигаретку?

– Многого ты хочешь, – отрезал тот. – Оборзел совсем ты, Жмайло. – Отвернулся, бросил через плечо: – Чего ты стоишь возле «годков», вали отсюда и не мешай нам разговаривать. Лучше займись «карасями».

Жмайло насупился, крикнул приятелям, чтобы те шли вниз. Ночь не принесла желанной прохлады: в переполненном людьми кубрике воздух был подобен раскаленному железу. Вдруг неожиданно прекратилось всякое движение и повисла изумительная тишина позднего летнего вечера.

В открытый люк виднелся бархатный лоскут звездного неба, струился жаркий поток пьянящего морского воздуха и доносился нежный рокот волн, бьющихся о борт и причал. Не в силах заснуть от такого чуда, Александр слушал мелодию обретенного счастья, упивался музыкой природы, но ловил себя на том, что думает уже о другом, более важном сегодняшнем событии.

Затаившись, лежал на спине и вспоминал все, что накопилось за день. А тот оказался настолько насыщенным, что виделся нескончаемым. Размышляя, видел, что эти люди – не безвинные простаки, а захватившие власть бесстыдные субъекты с устоявшейся годами безжалостной системой взаимоотношений. Конечно, он попробует выстоять, дав себе обещание. Мысленно представил суровые испытания, от которых стало жутко.

«Не-ет... я себя не дам в обиду... – решил Саша. – Пусть мне будет тяжело, но я ненавижу несправедливость и сумею защититься, и, более того, одержу верх и стану лидером в

коллективе». Но его вновь поглотила тревога за будущее. Устав бороться с дремотой, закрыл глаза, но заснул лишь под утро.

Пробудился от того, что услышал негромкий голос, который пытался разбудить тех, кто спал на верхних койках. Он трогательно умолял проснуться и отведать специально приготовленного жареного картофеля, как незнакомец уважительно называл блюдо.

– Мужики, картофель... мужики, картофель, – нечетко выговаривал слова, будто прожевывал со слюной, твердил он беспокойно сонным товарищам, но никто не отзывался. – Я «карасей» попросил сделать... Саня... я жареный картофель вам принес... вставай, – говорил он и тут же бросался к другому. – Вова, я картофель вам принес... вставай...

Александр рассудил: «Надо же... какая забота о товарищах?..» – и удивился подобной доброте.

Вскоре несколько человек лениво спустились вниз и, недовольно сопя и фыркая, сонно направились к столу, где благоухала жареная картошка. Послышалось звяканье ложек, чавканье, обрывистые фразы и довольное сопение.

Ложки побросали в остатки еды и медведями вернулись к своим лежанкам.

Через два часа прозвучала команда «Подъем».

Глава вторая

На утреннем разводе дежурный офицер распределил команду по работам. Но, как оказалось после его ухода, большая часть матросов тому не придавала значения вовсе, старослужащие вольно разбрелись по кораблю. Остальные также не хотели работать, указывая на тех, кого ждет эта участь. Александр двинулся за однопризывниками, тем самым признав, что добровольно перешел в стан «униженных и оскорбленных».

Четверо товарищей и Александр перешли на борт соседнего корабля и приступили к работе. Надрываясь, кантовали бочкообразный тяжеленный спасательный плотик, чтобы потом по перекинутым доскам подать его на корабль. Мирков терпел смешки и хихиканье старших по призыву, с колкими издевками в адрес старшины, который работает, а они, матросы, напротив, командуют им.

Жмайло, Шайдулин и два однопризывника, которые гордились перед новеньким своим высоким положением, смело покрикивали.

– Шевелись... «кагасня»... Чего вы телитесь?! – подгонял Жмайло, будто рожден был работать надсмотрщиком, в любую минуту готовый оскорбить или выругаться матерно, большой охотник поизмываться над слабыми.

– А возьми и помоги им, – пошутил сосед, мерзко хихикнув. Жмайло задрал нос.

– Хватит... я уже «кагасем» нагаботался... – отмерил надменно. – Шифга, а ну пошевеливайся! – подстегнул Жмайло, недовольный медлительностью. – «Шланг»... если ты и дальше так будешь габотать, то, догогой мой, будешь иметь много неприяностей. Это я тебе точно обещаю. Кто-кто, но я слов на ветер не бгосаю.

На его придирки товарищи только посмеивались.

Приученный к труду, Александр получал удовольствие от работы, но под взглядами праздных, веселящихся недоумков не мог чувствовать себя нормально. Корил себя, что сдался добровольно, но и понимал, что выхода нет.

На палубе появился скучающий дежурный офицер, подошел к веселой компании, кинул взгляд на «карасей».

– Как всегда, работают одни и те же! – воскликнул устало и беспомощно. – А вы что?

– Что, что?.. – перекивил дерзко лицо один из матросов.

– Мы уже свое «по карасне» отработали, – заявил другой, еще три месяца назад боявшийся пикнуть перед старшим по службе, а тем более старшим по званию.

– Как же вам не стыдно! Четверо ваших товарищей работают, а вы стоите, держите руки в карманах, – начал поучать дежурный. – Надо разобраться еще, где все остальные.

– Они нам не товарищи, – грубо заметил Шайдулин.

– «Кагась» не может быть товагищем, – продолжил надменно Жмайло. – Его дело габотать... Мы за них не отвечаем.

– Давайте все по местам и работать, – приказал офицер, но по голосу чувствовалось – он вовсе не уверен, что сказанное будет выполнено.

Матросы удивленно посмотрели на офицера.

– Я вам сказал, идите работать, – виновато прибавил офицер.

– Никуда мы не по-ойде-ем... – смело отказал Жмайло, решив не поступаться принципами.

– Тогда я о вас доложу командиру, – пригрозил растерявшийся дежурный.

– Да докладывайте кому угодно, – напали все разом. – Не хватало, чтобы мы «карасевскую» работу делали. Да нас же засмеют!

Дежурный безнадежно махнул рукой, скрылся с глаз долой. Разнеслась команда на обед. Проголодавшийся Мирков отправился к умывальнику, увидел, как товарищи, миновав его,

бегом кинулись на камбуз. Он помнил, что, по словам Шикаревского, должен бежать за ними, но не хотелось в это верить. Ополоснув руки и лицо, поспешил к столу и почувствовал, что его приняли недовольно, по напряженному молчанию понял, что сделал что-то не так. Суетливый Шикаревский привычно вертелся вокруг молчаливых парней за столом.

– Ты, Саня, уже давно должен быть здесь, – прошептал он, не переставая наливать и подавать блюда, держа улыбку на натруженном потном лице. – Мыть руки – этоне для тебя. Ты сразу должен бежать на камбуз за бачком. Понял?

Александр хотел категорически отказаться, но разумно рассудил, что борьба с «годками» есть борьба с ветряными мельницами, не видел в том ни цели, ни смысла.

– Понял, – кивнул понуро.

Как хорошая хозяйка, Шикаревский мигом реагировал на непорядок на столе.

– Вот смотри, Саня, как я делаю, и запоминай, – шептал он на ухо, – скоро и ты будешь это делать. – Заметив что-то, метнулся и поставил тарелку со вторым блюдом, вернулся к разговору. – А то, может, у меня скоро начнутся вахты... а если все это рухнет, то ни тебе, ни мне тогда не жить.

Мерный шепот матроса прервал Шайдулин, пристально наблюдавший за бачковыми.

– Занимайся своими делами. Я сам буду его учить, – он предложил Миркову подойти поближе. – Вот смотри, – начал любезно. – В общем-то, здесь нет ничего премудрого. Поначалу будет тяжеловато, а потом само собой пойдет, даже не будешь и замечать. Сперва надо ставить еду «годкам»: Андропову, Лукину, они больше всех прослужили, а затем уже и другим. Самое главное, чтобы посуда была их собственная, которую они пометили. Ты слушай, потому что я объясняю один раз, а потом буду спрашивать, – предупредил сдержанно, заметив, что тот невнимателен. – Там, на каждой тарелке, кружке, ложке есть свои небольшие пометки. Они быстро запоминаются. Еще есть тут одна небольшая деталь: ты не жди, что тебя попросят о чем-то, они могут этого и не сделать... Ты сам должен понимать, чего хотят, и быстро на это реагировать.

– Моего молодого не трогать!! – вдруг оборвал его возмущенный окрик Андропова, сделавшего акцент на последнем слове. Шайдулин замер.

Лукин спохватился, кротко взглянул на друга:

– Шура... у нас некому на бачке работать...

– Я, – грозно нахмурился Андропов, будто не слышал, – сказал, – повысил голос, разделяя каждое слово, покраснел от злости, – моего молодого не трогать!! Для убедительности с грохотом опустил на стол маленький кулак, посуда подпрыгнула и задребезжала. Кубрик заволновался, такого не ждали от него, посчитали превышением прав, ложной демонстрацией доброты, что было уж вовсе не умно. Но тот тяжело дышал, глядел перед собой застывшими глазами, добавил весомо:

– Тем более он старшина...

Никто всерьез не отнесся к его словам, лишь подумали о блажи «годка».

А Мирков только и ждал этих слов, достойно оценил поступок.

К этому инциденту никто не остался равнодушным, даже сослуживцы Андропова готовы были воспротивиться. Шайдулин, уловив недовольство кубрика, нисколько не смутился.

– Ничего, подожди... – тихо заметил он Миркову.

Тут же всем показалось, будто и не было ничего, потому что ничего и не могло произойти.

Оставив второе, Андропов зло бросил ложку и, не выпив поданный Шикаревским компот, резко встал и демонстративно покинул кубрик. Лукин молча проводил его взглядом, а потом спокойно посмотрел на Шайдулина и Миркова.

– Все нормально... Делайте как я сказал.

Как ни в чем не бывало Шайдулин продолжил:

– Так вот, слушай сюда...

Когда все вышли, Мирков и Шикаревский голодно подобрали и съели остатки пищи. Поспешно сложили посуду, вытерли куском ветоши грязный ящик.

– То, что Андропов сейчас говорил, это все фигня, – елозя ветошью, не удержался Шикаревский, недобро заговорил о случившемся. – Ты ешь с нами, тем более, что такой же, как и мы, «карась», – плюнул на ящик, растер. – А на твои лычки никто здесь смотреть не будет. Мне лично все равно, какое у тебя звание, а «годку» тем более. Что с того, что я матрос, а ты старшина, все равно плевал на твои сопли. Главное – срок службы. Это в учебке важно – звание, а здесь совсем другое: кто наглей да подлей, тот и правит.

Эта была правда, от которой коробило, но с которой нужно было мириться.

– Что-то у него настроение плохое, – не отрываясь от работы, продолжал матрос. – А то, что заступает за тебя, – это все временно. Ему от сытости хочется поиграть в покровительство. Это скоро пройдет. Здесь такого не любят. Даже если он и «годок», не он здесь погоду делает, а Корж, Петраускас и Лукин. А они не допустят, чтобы ты не бачковал. Этого никогда не будет, потому что они через это прошли, и ты обязан пройти – даже если тебе и не положено. Ты думаешь, Андропов добрый, если заступает за тебя? Хотя он и меньше всех за бачок дрючит, но такая же сволочь. А ты, вместо того чтобы без дела стоять, лучше бы посуду учил, – упрекнул недобро. – Бери кружки и запоминай. Мне за тебя тоже неохота получать. И уже пора самому начинать.

После выходки Андропова и недобрых поучений опытного в делах Шикаревского Александр понял свою беспомощность перед устоем, и даже перед более умелым и осведомленным матросом. Неохотно приблизился к проклятым кружкам, лениво осматривал их, демонстрируя заинтересованность. Пытался заставить себя проникнуться важностью запоминания всех этих щербинок и надколов на ручках, но когда представлял, что делает это кому-то в угоду, все бунтовало в нем. Как ни напрягался, ничего не получалось.

– Запомнил?

– Запомнил...

– Сейчас проверим. Я называю фамилии, а ты показываешь кружки.

Все закончилось тем, что возмущенный Шикаревский объявил зло, что Мирков ни черта не знает, правильно указал только посуду Лукина. Матрос явно тревожился, но на сей раз удержался от резкого тона.

– Ты что, Шура? Ты знаешь, как они за это дерут? Здесь они не панькаются. Если тебе все это не интересно, то все равно мне за тебя отдуваться. А зачем мне это надо! Чтоб все знал – понял?!

Александр тяжело промолчал.

В каюте ждал хмурый Андропов.

– Иди, тебя командир зовет. Хочет с тобой познакомиться. И не забудь представиться как положено, – бросил он недобро Миркову, который еще не остыл от случившегося.

Александр осторожно постучал в соседнюю дверь, услышал приглашение войти. Посреди уютной каюты стоял невысокий капитан-лейтенант, командир корабля. Александр сделал шаг, вскинул руку к бескозырке, стал навтыжку и доложил:

– Товарищ капитан-лейтенант, старший специалист СПС старшина 2-й статьи Мирков по вашему приказанию прибыл!

– Андронников, командир корабля, – непринужденно ответил офицер, рукой пригласил сесть.

Приглашенный опустился в кресло, было неловко и одновременно приятно. Андронников расположился в кресле напротив, позволил старшине разглядеть себя. Вместо сурового немолодого мужчины, каким он представлял себе командира корабля, видел невысокого, молодого, тридцатилетнего человека с тонкими, правильными чертами лица.

– С командой познакомился? – спросил офицер, доброжелательно рассматривая подчиненного.

Александр старался произвести хорошее впечатление: был собран, краток и обаятелен.

– Так точно.

– Как встретили?

– Хорошо, – соврал бойко, но, не умея врать, покраснел.

– У нас команда неплохая... Есть, конечно, неприятные типы, но в целом ребята хорошие.

С этим Александр не мог согласиться.

Командир спросил о возрасте, удивился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.